

Глава 5. Грибное вино

ЛII.

Лу подбежала к краю моста, с которого полминуты назад свалились Арк с Карманом. В ушах у нее всё еще стоял шум Поезда. Шпрее была спокойна и невозмутима. Доротея появилась следом.

– Что только что произошло? – две девушки уставились друг на друга.

Доротея подняла руки и стала быстро чертить в воздухе известные только ей знаки. Они загорались неоновозеленым пламенем, висели в воздухе несколько секунд, а затем медленно затухали. Лицо колдуньи приобретало всё более озадаченное выражение.

– Я его не вижу, – сказала она. – Как будто он исчез и его никогда не было.

– Бюст, – вдруг сказала Лу.

Доротея украдкой поправила кофту.

– Точно так же спрятали бюст Нефертити, – пояснила девушка. – У тебя не получилось найти его самой, верно?

– Как будто... Как будто его никогда не было.

– Если его спрятали там, – Лу показала на недвижимую, словно чего-то ждущую Шпрее, – значит, можно его оттуда достать. Значит, Арк выберется.

– Как?

– Не знаю. Но верю. А пока у тебя есть другие проблемы.

Доротея красивой дугой изогнула бровь, и Лу продолжила быстрым шепотом, косясь на подбегающих Фарука и Армина:

– Как минимум один из твоих учеников или хундескопфов – предатель. Он пробил стену Боды изнутри, взял бюст и выкинул с моста. Взрыв на Поезде был затеян исключительно ради этого. Ограбление, замаскированное под теракт.

– Это понятно, – произнесла Доротея таким же шепотом. – Но я не подумала, что есть предатель. Я этим займусь.

– А мы разберем, что случилось на Поезде и как именно он был взорван. Я, в отличие от Арка, уверена, что тут замешан Нигош. Думаю, в сумме этого будет достаточно для Совета.

– А что с Арком?

– Арк выберется. И если я хоть сколько-то его знаю, выловит этот сраный бюст.

Доротея долго смотрела на Лу.

– Спасибо, фрау Оспри, – наконец сказала она.

– До скорого, фрау Лихтенхерц. Я пришлю человека за оплатой.

Сердце Лу колотилось так сильно, что она была уверена: Доротея его услышит. Но та лишь вежливо улыбнулась и пошла назад по мосту. Два ее говнюка последовали за ней.

Когда они скрылись из виду и держать себя в руках больше не требовалось, первым импульсом Лу было спрыгнуть с моста. Ее остановила только абсолютная тупость этого действия. Шрам под татуировкой адски горел – от стресса и переизбытка колдовской энергии, разлитой вокруг. Лу собралась, зачерпнула силы и выстрелила в Шпрее молнией ужасающей мощности. Вся поверхность подернулась синими всполохами, Шпрее загудела, закипела, засветилась изнутри. Лу отпрянула, готовая защищаться, но больше ничего не произошло. Всё успокоилось. Появившиеся тут и там лепестки бирюзового пламени, напомнившие Лу газовую плиту в доме ее мамы, стали выше и потухли, словно кто-то одним махом выключил все конфорки. Шпрее снова замолчала.

Лу обессиленно облокотилась на опору моста. Она тяжело дышала, на лбу, несмотря на декабрь, выступил пот. «Карман, – подумала Лу, – Карман прыгнул за ним». Она прикинула расстояние до поверхности Шпрее. Телепатическая связь девушки с собакой действовала только на очень коротких расстояниях и уже метрах в трех-четыре начинала затухать. Лу снова напрягла все свои силы и мысленно поискала разум песика. И ей показалось, что в оглушающей тишине, откуда-то из-под толщи грибов, как из темного ночного колодца, она услышала неясный, прерывистый, но ответ.

Лу резко выпрямилась, раскинула руки, и через секунду над музеем Боде, расправив крылья, пролетела крупная хищная птица – североамериканская скопа.

ЛIII.

Лу Оспри сделала небольшой круг над Музейным островом, впившись своим идеальным зрением хищника в поверхность Шпрее. Ничего живого, никакого движения. Лу издала разочарованный крик и взяла курс на Александрплатц. Пролетая мимо телебашни, она, по обыкновению, попыталась взглянуть внутрь, пронзить острым птичьим взором шар из стекла, стали, зеркал и колдовства. Но, по обыкновению, у нее ничего не вышло. Лу спикировала на площадь и снова обратилась в человека прямо перед госпиталем Оксаны.

Там было шумно, оживленно. Зимой люди болели больше, а борьба с вирусами после Смещения даже чаще требовала постоянного внимания врача. Лу нашла Оксану и Пилар у койки одного из заболевших. Пилар железной хваткой держала его за руки, а доктор изо всех сил тянула из разреза на животе пациента вирус. Похожий на странное полупрозрачное насекомое, размером с фокстерьера, вирус цеплялся за дергающееся тело тонкими ломаными лапами и вылезать явно не хотел. Оксана ругалась себе под нос.

Завидев Лу, она кивнула ей, прося помочь, и с вирусом было покончено с помощью быстрой синей молнии. Тут же один из волонтеров подбежал подметать обугленные останки вируса. Оксана виртуозно, парой движений очистила и

закрыла разрез на животе больного. Тот сразу затих и уснул. Только после этого она смогла поздороваться с Лу.

– Мы как раз пришли поговорить про темпоральное окно, – сказала Пилар. – Акхил смотрит варианты экрана на складе.

– Это подождет, у меня более срочное дело. Оксана, скажите, что вы знаете о Шпрее?

– Соединяет реку Даме на востоке с рекой Хафель на западе, – улыбнулась Оксана. – Кроме этого о ней известно мало.

– Что насчет контакта между Шпрее и человеком?

– Такие случаи были. Мгновенный контакт обычно безвреден. Но длительный может привести к необратимым метаморфозам. Кроме того, мицелий Шпрее крайне... психоактивен.

– Вызывает галлюцинации?

– В лучших случаях. Один из клубов Кройцберга предлагал гостям выпить воды, настоянной на небольшом куске гриба из Шпрее. Это было примерно три года назад. Многие так и не вышли из комы. Другие лучше бы и не выходили. Абсолютное безумие.

– А если человек упал туда целиком? – спросила Лу, будучи в легкой панике.

– Не знаю. Невозможно предсказать. А что случилось?

– Арк упал в Шпрее с моста. Утонул в ней. Точнее, погрузился внутрь. Он до сих пор там. Я не знаю, что делать.

– Аркадий? – Оксана побледнела. – Он упал в Шпрее?!

– Да, – сказала Лу. – Я...

Но Оксана уже не слушала. Она выбежала из комнаты, и Лу с Пилар, переглянувшись, последовали за ней. Они нашли ее в кладовой – подсобной комнате, заполненной коробками с лекарствами, бутылками и мелкими артефактами. Оксана судорожно копалась в одном из больших выдвижных ящиков.

– Нельзя терять времени, – сказала она. – Телесные изменения я смогу обратить, но вот психологические... Вот, это должно помочь. Как только вытащите его оттуда, приведите сюда.

И она протянула Лу сверкнувший в свете неоновой лампы рыболовный крючок с прикрепленной к нему блесной. Потом объяснила, что делать. А затем повторила.

Лу, Пилар и Пшигода доехали до музея Боден на дрезине. Акхил остался с Оксаной – готовится к предстоящей операции. Пшигода побежал в музей за тремя обещанными Лу статуями – источник силы был необходим. Лу и Пилар встали около моста и начали готовиться. Лу обратила внимание, что на длинных флагштоках у входа в музей уже насажены три собачьи головы. Доротея времени не теряла.

Запыхавшийся Пшигода приволок статуи. Они были налиты, переполнены силой. Аккуратно расставив их по инструкции Оксаны вокруг воткнутого в землю куска арматуры, Лу с Пилар стали соединять статуи в колдовскую систему.

– Не так, – раздался голос позади Пшигоды.

Доротея стояла рядом, в развевающемся на промозглом ветру плаще. На шее у нее был повязан фиолетовый шарф.

– Я вам помогу.

Как из-под земли выросли Фарук и Армин, и вшестером они закончили сложную схему. Начерченная на голой земле октаграмма слабо засветилась синим и зеленым. Пшигода подвесил на кончик арматурного прута крючок на длинной тонкой цепочке, взялся за другой конец, размахнулся и закинул крючок как можно дальше в Шпрее.

Крючок упал на поверхность и был немедленно поглощен бархатистой массой.

– А теперь мысленно фокусируйтесь на Арке и медленно вливайте в крючок энергию, – объясняла Лу. – Главное – очень хотеть его найти.

– Какая интересная штука, – произнесла Доротея. – Откуда он?

– Его дала Оксана из госпиталя на Александрплатц. Это, судя по всему, спонтанный артефакт. Приобрел колдовскую силу после Смещения, каким-то образом настраивается на эмоционально-психологический фон пользователя, притягивает то, что хочется. Оксана рассказала, что к ней пришли брат и сестра, и брат объяснил, что они ловили рыболягушек в канализационном люке. А у сестры из щеки торчал этот крючок. У брата, видимо, оказались иные желания.

– Милая семейка.

– Крючок оставили Оксане в качестве платы.

– За удаление?

– За убежище для сестры, я думаю. Давайте сконцентрируемся.

Долгое время ничего не происходило, а потом Доротея внезапно швырнула по импровизированной удочке невероятную волну энергии. Цепочка с крючком, скрывающаяся под водой, натянулась и завибрировала, как струна.

– Ключет, – сказал Пшигода, изо всех сил сжимая арматурный прут. Мышцы на его руках напряглись, костяшки пальцев побелели. Он начал медленно откидываться назад, вытягивая добычу.

– Выдержит? – спросила Доротея.

– Это неразрывная цепь, – сказала Лу, подливая в крючок еще немного силы.

Пшигода издал полурык-полухрип, и над поверхностью Шпрее показалась голова Нефертити.

LIV.

Арк увидел маму. Она стояла в простом, переливающимся радугой сарафане, а грибные коты вились у ее ног, ластились, трогали ее голову, касались длинными

шершавыми языками ее глаз. Ее сарафан переходил в дорогу, а та – в стену, а та – обратно в сарафан, а тот – в котлов, и всё это было частью мамы, и всё это было частью Арка, и тут его прямо в плечо сбила синяя машина, и всё стало синим, и синие волны прокатились по Вселенной.

LV.

Возница крикнул: «Но-о, залетная!» – и тележка понеслась по грибной дороге, влекомая тройкой лошадей. У возницы и у тележки очень болело плечо. Левая передняя ось плохо проворачивалась, из-за чего тележка бежала по кругу, и круг расходился по поверхности гладкого, как зеркало, озера, а озёра ее глаз были омутами души. Возница почувствовал, что тонет, у него кончался воздух в легких, кровь била в виски изнутри, грудь сжимало, колеса скрипели и кряхтели под тяжестью перевозимого воздуха, но его всё-таки было очень мало, он просыпался на грибную дорогу, и Арк просыпался вслед за ним, а возница стегал его кнутом, но не попадал, и ступни Арка обдавало грибными брызгами, а потом попал прицельным взмахом кнута в плечо.

LVI.

Арк увидел маму. Она ехала мимо него по дороге на дребезжащей синей тележке, а вокруг нее роились мухи, только это были не мухи, а грибы, и тележка была грибы, и дорога была грибы, и мама была грибы, и Арк был грибы. Гриб открыл грибы и увидел гриб. Он сидел рядом с грибом и улыбался. В плече у гриба торчал гриб.

– Вставай, вставай, – сказал гриб. – Чего разлежся? Тебе идти нужно.

– Далеко?– спросил гриб.

– Далеко, далеко.

Гриб встал на грибы. Гриб горел саднящим, тупым грибом. Гриб сделал два неуверенных гриба и обернулся. Гриба уже не было, но вместо него на грибе лежал гниющий гриб, и вокруг него плавали грибы.

– Греби отсюда! – сказал кто-то сзади.

Гриб опять развернулся, полностью потеряв гриба в грибе, и пошел на гриб. Каждый гриб отдавался грибом. Вокруг ничего не было видно. Было не темно, наоборот, гриб, грибы и гриб светились изнутри невероятным, мерцающим грибом, но гриб этот каким-то грибом проникал за грибы грибов и оставлял на грибе гриб гриба.

– Гриб, – раздался гриб.

LVII.

Арк вслепую протянул руку и нащупал шерсть, теплое дрожащее тельце. «Карман, – вспомнил он. – Мою собаку зовут Карман».

LVIII.

Арк дотронулся до рукояти гриба в плече. Боль была адской. Правая рука опять онемела. Его тошнило. Но боль также прорезала густой сироп, в котором плавало его сознание. Он смог оглядеться. Было светло, мягкая люминесценция исходила от стен и потолка. Но видно всё равно было плохо, как будто воздух вокруг был заполнен чем-то полупрозрачным, газовым. Как будто изъязны в белках глаз – «стеклистые червячки», которые большинство людей видят, посмотрев на источник света – были повсюду, как будто они вышли из глаз и заполнили пространство, но на самом деле это были не они, это были грибы. На самой грани зрения, в крайнем расфокусе, постоянно что-то двигалось, мелькало, переливалось.

«Я под водой, – догадался Арк, – только не под водой. Я в Шпрее».

LIX.

Арк и Карман шли по пустому коридору. Идти оказалось нелегко; воздух был вязкий, киселеобразный. Кроме того, явно происходили какие-то трюки с гравитацией, потому что Карман то и дело зависал в воздухе, к своему большому удивлению. У Арка чертовски болело правое плечо. Застрявшая в нем рукоять ножа превратилась в крепкую, ухватистую грибную ножку, увенчивающуюся небольшой аккуратной шляпкой. Про лезвие Арку думать не хотелось, кроме того, он боялся, что если достанет нож, то сразу истечет кровью. Также он старательно избегал мыслей о том, как и почему остался в живых. Прежде, чем отправиться в путь, он внимательно осмотрел себя и Кармана, но, за исключением ножа в плече, видимых отклонений от нормы не нашел. Кроме того, перебрал свой небольшой арсенал: две пули в револьвере, а также четыре взрывахи и жезл молний в Кармане.

Коридор был довольно прямым. Стены, потолок и даже пол слегка люминесцировали, и поэтому было хорошо видно далеко вперед. Арк предполагал, что идет по дну основного канала Шпрее, но вот идет он на запад или на восток, понятно не было. Стены были отвесными, без видимых углублений или выступов, покрытые непонятной жесткой плесенью. Пахло сыростью, гнилью, но к этому примешивались другие запахи, более глубокие и непривычные. Потолок выглядел цельным и плотным, и с него то и дело свисало что-то темное, длинное, похожее на лиану, корешок или щупальце.

Арк фокусировался на двух вещах. Во-первых, бюст Нефертити. Его основным планом, как попасть на поверхность, оставалось использование артефакта. Если бюст сюда выбросили, значит, собирались извлечь. Если понять, как это сделали, можно попытаться выбраться и самому. Для этого нужно найти хоть какой-то его след.

Во-вторых, ритм. Отвлекаясь от боли и усталости, Арк постоянно держал в голове, проигрывал в мыслях простой счет: «Раз, два, три, выдох, раз, два, три, выдох», вышагивал и дышал в такт, не позволяя самому себе сбиться и начать паниковать. Давалось это с трудом. Карман же, напротив, был на удивление спокоен. Он то и дело забегал вперед или же, наоборот, останавливался и пристально нюхивался в ничем не отличающийся от других кусок стены. Пару раз он даже пытался задрать ногу. Арку было любопытно, как поведет себя настолько обыденная жидкость в этих странных условиях, но песик всякий раз передумывал и бежал дальше.

Так они с Карманом прошли несколько часов. «Раз, два, три, выдох, раз, два, три, выдох», медленно текли секунды, и точно так же ноги Арка ступали на чуть скользкий, чуть упругий пол. По ощущениям, он уже должен был дойти до какого-нибудь пересечения с другим каналом, но этого пока не случилось. Единственное, что коридор, по которому слегка растерянно и неловко шли человек с собакой, немного расширился: теперь от стенки до стенки было метров пятнадцать. Кроме этого не менялось ничего. Ни новых объектов, ни звуков, ни запахов. Каждый шаг был до отвращения похож на предыдущий.

Карман завис у какого-то куска стены особенно надолго и, когда Арк обернулся, чтобы его окликнуть, резко, зло залаял. И коридор проснулся.

LX.

По всей длине пустого туннеля пробежало шуршание, словно тысячи разных голосов одновременно зашептали друг другу. Из стен высунулись короткие, похожие на гусениц мохнатые щупальца и судорожно задергались в воздухе. Накатила волна тяжелого, глухого запаха – сырости, плесени, могилы. Потолок и пол стали выгибаться навстречу друг другу. Арк метнулся к стене, на которую лаял Карман, и, к своему удивлению, обнаружил в ней незаметный узкий проход, скрытый плесенью от беглого взгляда. Потолок уже опасно приблизился к полу, поэтому Арк, преодолев секундное отвращение, разорвал что-то напоминающее липкую плотную паутину, оттолкнул в сторону гусеничные щупальца и влез в проход. Карман последовал за ним.

Проход больше напоминал колотую рану в стене. Ни пола, ни потолка как таковых не было, стены сочились слизью и не светились, впереди была темнота. Арк пер напролом, пробивался вперед на ощупь, иногда разрывая мешавшие ему упругие, мягкие мембраны, изредка останавливаясь и помогая запутавшемуся Карману. Время снова потеряло всякую меру. «Раз, два, три, выдох, раз, два, три, выдох», – продолжал отбивать ритм его мозг, пока левая нога не нащупала вместо поверхности пустоту и он не упал вперед, огласив выкриком пространство. Эхо далеко разнесло звук, из-за чего Арк понял, что выпал в какое-то большое

открытое место. Всё еще лежа, он просунул левую руку в карман и нащупал рукоять револьвера.

– Это не Нуужно, – сказал голос. Был он булькающий и перекатывающийся, трудноразборчивый, громкие звуки в нем вперемешку соседствовали с тихими, длинные – с короткими, звонкие с приглушенными наталкивались на друг на друга и частично друг друга поглощали.

– вСтъАнь, – сказал голос.

Арк встал, но револьвер из руки не выпустил. Карман позади него зарычал – настороженно, испуганно. Гигантская открытая пещера слабо освещалась по принципу давнишнего коридора, но запах был более резким, а кроме того, к нему примешивалась дополнительная сладковатая нотка гниения. Свет плохо пробивался сквозь пол – на нем там и тут были навалены непонятные, бесформенные куски темной массы, из которой проглядывало белое. «Трупы, – понял Арк, – это полуразложившиеся трупы», и его замутило. Некоторые просто лежали на полу в полуистлевшей одежде, некоторые словно утонули или вросли в пол. От некоторых остались одни кости. У некоторых были лица.

– ПодойДИ плижжЕ, – сказал голос.

Количество трупов возрастало ближе к центру пещеры. Там пол изгибался и переходил в подобие кресла или даже трона – огромного, высотой в три-четыре человеческих роста, повернутого прямоугольной спинкой к Арку. Голос звучал оттуда. Карман рычал и тихонько повизгивал. Арк медленно, издалека начал обходить трон. Костяшки пальцев на рукояти револьвера побелели от напряжения. Не отрывая взгляда от центра, он осторожно переступал через лежавших на земле мертвецов. Кроме них, пол был покрыт грибами разных форм и расцветок. Лиловые, белые и пурпурные шляпки создавали необычайный узор, мягко люминесцентно подсвечивающийся снизу и вплетающийся в центральную конструкцию. Это было бы даже красиво. Если бы не трупы.

LXI.

Арк осторожно, по большой дуге обходил нечто, напоминающее трон, в ужасе представляя себе того, кто может на нем сидеть. К его удивлению, на троне никого не было. Говорил сам трон. Пришлось перебороть отвращение и рассмотреть его повнимательнее.

Строго говоря, и трон-то неясную конструкцию посередине зала назвать было трудно. Это было что-то яркое, переливающееся, слепленное из кучи грибов и грязи, по габаритам и форме напоминающее поставленную на попа кровать. Вся эта конструкция была дополнительно оплетена паутинообразными нитями и плесенью всех возможных цветов. На ее поверхности виднелись бульбочки и язвы, то и дело открывались и закрывались отверстия, надувались и сморщивались пузыри люминесцентной плоти. Эта штука жила – в том смысле,

что шевелилась, издавала звуки и запахи, а кроме того, несмотря на явное отсутствие глаз или других органов чувств, неотступно следила за Арком и Карманом. Арк выставил вперед левую руку с револьвером, сомневаясь, впрочем, в его эффективности.

– АРКАДий кООлешниший, – произнесла грибная куча. Звук, казалось, исходил из нее в целом, не отвлекаясь на мелочи вроде отсутствия рта.

– Кто ты? – спросил Арк, подозревая, что ответ его не удовлетворит. – Ты Шпрее?

– Я есссть Вода, и Я есть Тот, Кто Пьет, – веско ответило существо.

– А кто тогда я? – задал вопрос Арк.

Его собеседник задумался, а затем пробулькал:

– микрОБ.

Это почему-то успокоило Арка. Он опустил пистолет и приблизился к странному существу на пару шагов, не забывая, впрочем, о том, что самая большая куча трупов лежала прямо у подножия Шпрее. На куче он заметил посторонний предмет. Один из мертвецов – судя по останкам черепа, хундескопф, – держал в полуистлевшей руке бюст Нефертити.

«Ну конечно, – подумал Арк. – Чего я ожидал?..»

– Я пришел за этим, – Арк показал на бюст. – Отдай, и я больше не буду тебя беспокоить.

То, чем занимался Арк, было даже трудно назвать блефом. Блеф обычно используют, играя в карты. Арк блефовал при игре в шахматы. Но он был ранен и чертовски устал, и поэтому ему было уже немного наплевать.

– Это МОЕ, – быстро ответила Шпрее.

– Что ты хочешь взамен?

На секунду воцарилось молчание. Наконец существо спросило:

– какое У тебЯАА чуссство ЮМОРа?

– Что? – Арк решил, что ему послышалось.

– Чуццтво. ЮмОРа. Я хочщшУ понять чшшЕЛОвекА. ПонимаЮ фОрму, вкусссс, сссвет. пОнимаю сстраХХ, желАНИЕ, вЕРность. Понимаю люБОФфффь, дрУшбу, смерть. Не пониМАЮ УУмор. У тебя ешть ЧЮСство юмОРа?

– Наверное, есть, – сказал Арк.

– ХОРОШО. мне нушен НИктоД.

– Анекдот?

– АНИкТод. РасСКАЖИ никтод и РАСССмеши менЯ. Я расскаШу тебе. Первый САСмеется – проИГРал. Ты САПЕрешь бюст Нефертити.

– А ты?

– А я заберу ТЕБя. В любом случАЕ пойМу юмОР.

Какой вид юмора предпочитает Тот, кто Вода, и Тот, кто Пьет? Арк помнил не так много анекдотов, в большинстве из них действовали советские вожди или герои мультфильмов. Эти вряд ли подойдут...

– Хорошо, – сказал Арк. – Как хозяину, уступаю тебе право первого.

Грибное существо побулькало, побряхтело и произнесло:

– ХорОШо.

– Только, как хозяин, – победоносно продолжил Арк, – ты должен позаботиться о комфорте гостя. Я ужасно устал, можно мне куда-нибудь присесть?

Из пола выросло подобие табуретки на одной, довольно тонкой, но прочной на вид ножке. Арк, не скрывая облегчения, сел. Карман запрыгнул ему на колени, и Арк сразу начал успокаивающе чесать его за ухом.

– Спасибо большое, – сказал он. – Ну, рассказывай.

Масса грибов еще немного побулькала и спросила:

– ЧЕМ ковбои похожи на ГРИБЫ?

LXII.

Арк быстро угадал ответ. Хотелось потянуть время, и он притворился, что задумался. Чувство юмора самой Шпрее оказалось неожиданно детским, и свой анекдот нужно вспомнить соответствующий.

– Не знаю, чем же? – подыграл он, не желая затягивать паузу.

– Оба хоттят в ШЛЯпе! – заявило существо. Последовавшее за этим продолжительное бульканье Арк истолковал как смех и вежливо улыбнулся.

– Моя очередь, – сказал он. – Но прежде, чем я начну, я бы хотел чего-нибудь попить. Во рту абсолютно пересохло, и анекдоты рассказывать трудно. Только я грибы не пью. Если можно, просто воды, пожалуйста.

От гриба, на котором сидел Арк, отпочковался еще один, поменьше, но той же высоты. На нем росло что-то похожее на почку, но морщинистое, как сморчок. Почка лопнула, и внутри нее Арк увидел прозрачную жидкость. Он сорвал импровизированный стакан, понюхал. Пахло плесенью и почему-то спиртом. Арк осторожно отхлебнул. Напиток был очень холодный и освежающий. Безусловно, алкогольный, но скорее ближе к вину, чем к водке. Вкус был весьма приятный, хоть и вызывал легкие ассоциации с потными носками и несвежим бельем.

– Спасибо большое, – сказал Арк и отхлебнул еще. Больше тянуть время не получалось. Он судорожно пытался вспомнить что-то про грибы, но в голову лезли одни ковбои. Наконец он рискнул: – Два ковбоя поехали в пустыню искать золото. Нашли старую шахту. Один держит веревку, другой спускается вниз, в яму. Вдруг веревка обрывается, и второй ковбой падает. Первый кричит: «Эй, Джон!» – «Что?» – «Ты как?» – «В порядке!» – «Руки-ноги целы?» – «Целы!» – «А шахта глубокая?» – «Не знаю, я еще лечуууу!»

В ответ было долгое молчание, а затем Шпрее сказала:

– АНИктод не сМЕШной, но хорошиЙй. Говорит нам о СУБЪектиФности вреМЕНИ. О ТОМ, что наше восприЯТИе объективной физической реальности

сместительно относительно друг друга. и о том, что ковбой наверху никогда не поймет ковбоя, который падает в бездну. Но это не смешно.

– Тогда пока что ноль-ноль, – сказал Арк. – Твой анекдот был достаточно предсказуемый, а это делает его несмешным.

Он отхлебнул еще грибного вина. Оно придавало ему смелости. Обычно он довольно быстро пьянел, но в данный момент вино только трезвило его, накаченного адреналином и болью.

– Моя очередь, – сказала Шпрее. – Я учту критику. Чем время похоже на внимание?

Арк замешкался, разыскивая каламбур или хоть какую-то объединяющую идею. Анекдот предполагал обман ожиданий, но тут ожидать было нечего. Карман недовольно заворчал, и Арк продолжил его гладить.

– Не знаю, – сказал он.

– Они похожи всемирно! – заявила грибная масса. – Кто тратит время, тот теряет внимание, а кто утешает внимание, дарит свое время.

– Я не понял шутки, – честно признался Арк.

– Юмор в том, что две такие разные в человеческом понимании вещи на самом деле суть одно и то же. И то, и то – наш личный, персональный ресурс, используя одно, мы тем самым тратим второе. Парадокс.

– Это, может быть, довольно глубоко, но не очень смешно, – сказал Арк. – Если шутка смешная, она не требует объяснения.

– Шталь, что люди до сих пор не способны смеяться сами над собой, над своими ограничениями восприятия. Грибам это дает гораздо больше. Придется вернуться к шуткам про ковбоев, – и Шпрее издала звук, который можно было бы интерпретировать как вздох.

– Хорошо, – сказал Арк, который вспомнил еще один анекдот. – К ковбоям, так к ковбоям. Ковбой приезжает вечером в салун, усталый, грязный. Просит ужин, ванну и чтобы его разбудили прямо перед рассветом. У него завтра очень длинная дорога, и обязательно нужно рано выехать. Он поднимается в свою комнату и засыпает. На следующее утро его будят ни свет ни заря, он быстро одевается, выпивает кружку кофе, седлает коня, выезжает. Скачет весь день через пустыню, несется, не жалея лошадь, без перерывов или остановок. Уже под вечер замечает небольшой оазис и заезжает туда, чтобы попить самому и напоить лошадь. Он спешивается, подходит к воде, нагибается и вдруг видит в отражении негра. «Черт! – говорит ковбой. – В темноте не того разбудили!»

Снова повисло молчание. Наконец Шпрее довольным тоном сказала:

– ты же-таки понял мою прошлую шутку. это был хороший никтод с глубоким смыслом. Но не смешной.

– Я проголодался, – сказал Арк. – Можно, перед тем, как ты расскажешь свой, я что-нибудь съем?

– Ты еШШШ грибы?

– Только сыроежки, – признался Арк, не зная, что отвечать в этой ситуации.

Из импровизированного столика, на котором стоял стакан с грибным вином, выросло несколько светлых грибов поменьше. Арк аккуратно сорвал один, покрутил его со всех сторон, понюхал. На вид гриб напоминал досмещенские шампиньоны, но пах лесом и почему-то детством. Арк аккуратно откусил. На вкус сыроежка была рыхлой и водянистой. Арк быстро запил ее вином и принялся за вторую. Ему нужно было побольше времени, чтобы придумать свой третий анекдот. Он спокойно доел все три, и грибное существо, надо отдать ему должное, не беспокоило Арка и довольно вежливо давало ему наесться. Наконец сыроежек больше не осталось, и начался третий раунд.

LXIII.

– почЕМу у ГРИБа одна ношшка, у челОВека – две, а у ТАБУРетки – три? – спросила Шпрее.

– Почему? – переспросил Арк.

– Гриб ноСИТ шляППу всИгда, человек – инОГда, а табуретКа – никогда.

Это было почти смешно. По крайней мере, это была настоящая шутка, хоть и во многом копирующая первую.

Арк улыбнулся и сказал:

– Мне кажется, эта закономерность не совсем точная. В конце концов, в тридцатые годы люди носили шляпы гораздо чаще. Что, значит, и ног у них было меньше?

– ТА, – ответила Шпрее. – НаПРИмер, мне отоРВало ногу на Первой миРовой.

– Ты... помнишь? Свою человеческую жизнь?

– Не ПОМню. ЗНАю. Внимаю. У меня есть бесконечное вниМАНИЕ, а значит, и бесККККАнечное время. Я живу вне их, я пью их, как молоко. Я вижу всё, что видел когда-то и что увижу впредь. Я есть Вода, и Я есть Тот, кто Пьет, – повторило существо.

– А кем ты был... до?

– Мне было четырнадцать в четырнадцатом. Я жил на реке. С тех пор, как я лишился ноги, всё свое время и всё свое внимание отдавал реке. Потом была еще война. Много смертей. Выстрелы. Потом взорвали бомбу. Старый телевизор. Большой взрыв. Весь мир потрясен. Я вернулся к реке. В конце концов я стал рекой, а время и внимание стали одним. Всё сошлось. Всё соединилось. Всё сместилось. Всё распрямилось. Рассказывай анекдот.

Арк, совершенно сбитый с толку услышанным, замялся. Он вспомнил старую шутку стендап-комика, которая стилистически подходила, и, пока ел, подгонял ее под грибную тему. Собравшись с мыслями, он начал рассказывать:

– Приходит плесень к ортопеду. «На что жалуетесь?» – спрашивает врач. «Понимаете, доктор, моя жизнь... она очень сложная. Она не собирается в цельную картину. Вот, моя жена. Мы вместе уже двадцать семь лет. И я недавно осознал, что совершенно не люблю ее, понимаете, доктор? Это самый близкий мне человек, а я испытываю к ней не больше чувств, чем к столу в гостиной или к старому ковру. Или вот, мой сын, доктор, мой сын Бифф. Я думал, он пойдет по моим стопам, я надеялся на хорошую карьеру для него, на богатую, насыщенную жизнь. А на самом деле я ему совершенно неинтересен. И он просто теряет свое время, доктор, время, которое так дорого, когда пытается угодить мне и слушает мои советы. И всё это на моих глазах. А моя младшая дочь, док, Анастасия? Она такая красивая, но мне всё больше и больше кажется, что за этой красотой ничего нет, понимаете, док? Что за ней пустота, вакуум души, что она просто полая кукла. И вот, понимаете, доктор, мы все сидим вчетвером за обеденным столом, и я смотрю на мою семью, на людей, которые мои родные, мои близкие, и понимаю, что на самом деле они мне чужие, абсолютно чужие, док! Мы все – чужие друг другу люди, и мне нужно очень тяжело работать, чтобы получить хотя бы каплю, хотя бы молекулу надежды на то, что хоть что-то можно изменить». – «Спасибо, – говорит потрясенный ортопед, – но вам, наверное, нужно к психологу. Почему вы пришли ко мне?» – «А у вас сыро».

Шпрее издала длинный раздраженный вздох.

– чщЩто за еРУНдта, – сказала она, – это НЕ смешсно! Что, ГРИИбы только ТУда, где сыЫыыро, идУТ, Шчто ли?

Ее речь стала еще менее разборчивой, и Арк понял, что совершил ошибку.

LXIV.

– ТЛиННняя иЗстоРИя, никАКогого смыСЛАЛА!

– Возможно, у нас просто слишком разное чувство юмора, – попытался оправдаться Арк. – Дело же не...

– У МеНЯ тличЩЩное ЧУвсТТВво юМОРа! – голос звучал, казалось, отовсюду, отражаясь от стен и расщепляясь в сотне отголосков эха. – ВотТОКта кТОООо-то ТЕБе болЕЕ поХОЖИИИи!

Рядом с Арком прямо из пола вырос новый гриб, на этот раз антропоморфный, в большой широкополой шляпе. Карман бешено залаял. Вглядевшись, Арк узнал Джека Ножа. Его кожа была монотонно-серой, а открытый в вечном беззвучном крике рот был просто ввалившейся выемкой, и Арк отчетливо видел ее ровное серое дно. Глаза его были матовыми и пустыми, розово-белыми, как плесень.

Арк, не вставая с места, достал револьвер и выпустил две оставшиеся пули прямо Джеку в лицо. Они прошли его насквозь, оставляя страшные, рваные дыры в мертвенной плоти. Ни крови, ни другой жидкости. Внутри Джека была всё та же серая губчатая масса. Джек толкнул Арка, неуклюже, слепо, и оба повалились на

скользящий пол. Джек схватил Арка за горло. Карман лаял где-то сбоку и кусал нападавшего за ноги и бок, но тот не обращал на это ни малейшего внимания. Его шляпа болталась прямо на уровне Арковых глаз, и Арк понял, что между ней и лбом странного существа нет промежутка, что это просто часть его головы. Арк, с трудом дыша, схватился левой рукой за гриб, торчавший у него из плеча, и резко вытянул его из раны. Обнажилось яркое, неестественно сверкающее лезвие. Боль была острой, ослепляющей. Делая усилия, чтобы не потерять сознание, Арк полоснул ножом по руке Джека на своем горле и, к удивлению их обоих, перерубил ее напрочь. Джек приподнялся и уставился на свою ровную, без следов сосудов, мышц или костей культю, а Арк, пользуясь случаем, правой рукой нащупал Кармана и открыл Пасть. Крича и рыдая от боли, он изо всех сил ткнул кулаком с зажатой в нем взрывахой в грудь Джека, пробил в ней дыру и оставил снаряд внутри. Столкнув с себя ошалевшего противника, Арк откатился в сторону, закрыл собой собаку и активировал заклинание. Приглушенно громыхнуло, и Джек разлетелся по всему залу неровными, обожженными серыми кусками. Комната заполнилась страшным шумом, и Арк сквозь боль понял, что это был смех.

– ФЗорВал гРИБ! – булькала Шпрее, и вся комната мелко вибрировала в такт ее хохоту. – ЯДЕРный ГРиб!

Арк медленно встал на ноги, готовя себя к новому нападению. Правое плечо было как в огне, а вся рука и бок – мокрыми, и это означало, что он быстро истекал кровью. Беспольный теперь пистолет лежал рядом, нож с грибной ручкой Арк сжимал в левой руке.

– Это было оЧЕНЬ смеШНо, – признался голос. – Я любЛЮ аниктоды, но и ТЕАТр-бувф тож лЮБлю. Ты выЯграл.

– Значит... бюст мой? – спросил Арк.

– Да. И ты можешь идти. Но боЛьше в меНЯ не прыгай!

– Больше не буду.

– Я снимаю все БЛоки. Твои друзья давно тебя иЩУт. Прощай, Аркадий Колесничий.

Арк почувствовал странное покалывание во всём теле, и его ноги почти оторвались от пола, словно гравитация значительно ослабла. Бюст Нефертити тоже вдруг дернулся и, словно воздушный шарик, медленно полетел вверх. Арк схватил Кармана под мышку и побежал за бюстом. Совершив два неловких, но гигантских прыжка, Арк добежал до бюста, но поскользнулся и перекувырнулся в воздухе под оглушительный хохот Шпрее. Не упал на землю, потому что всё вокруг вдруг стало вязким и тягучим. Арк понял, что не летит, а плывет. Бюст еще раз дернулся и стал подниматься быстрее. К нему сверху прилипло что-то маленькое и блестящее. Загребая левой рукой, Арк, не обращая внимания на тревожный писк Кармана, на боль, на затрудненное медленное дыхание, сконцентрировался на бюсте. И ухватился за него за секунду до того, как тот полетел вверх стрелой.

Бюст был скользкий, и Арк со всей силы сжал его рукой, вдавил пальцы в мягкий камень и удержал. И не свалился. Бюст уже со скоростью пушечного ядра пробил потолок комнаты, которая сверху, конечно, напоминала большой полый гриб, и вылетел наружу. Солнечные лучи больно хлестнули Арка по глазам, но вскоре это уже было неважно, ему осталось продержаться еще буквально несколько секунд, а потом можно с чистой совестью терять сознание, и Арк так и поступил.

LXV.

Пшигода вытащил Арка на берег. Арк весь был покрыт чем-то бурым и серым, а из правого плеча тонкой стружкой сочилась кровь. Под мышкой у него был зажат перепуганный Карман, а левая рука судорожно сжимала бюст Нефертити, оставляя на поверхности бесценного артефакта темные следы.

– Быстро, везем его к Оксане, – скомандовала Лу.

– Только отдайте мне бюст, – сказала Доротея.

Две девушки уставились друг на друга. Пшигода пожал плечами: мол, некогда, а затем с усилием разжал пальцы Арка и кинул бюст одному из прихвостней Доротеи. Та улыбнулась и, пока Арка грузили на дрезину, довольно сказала:

– Прекрасная работа, Лу Оспри. Признаться, я не ожидала настолько успешной и быстрой развязки.

– Спасибо за комплимент, фрау Лихтенхерц, – ответила Лу сквозь зубы. – Но, боюсь, до развязки еще далеко. Мы продолжаем искать террориста на мосту. Ирджих, статуи тоже.

Пшигода, не рискуя вмешиваться, сгреб в охапку три статуи и осторожно обложил ими Арка. Лу и Пилар залезли в дрезину, Пшигода взгромоздился на место водителя, и они тронулись. Через десять минут Арка уже внесли в госпиталь Оксаны.

– Сколько времени он был в самой Шпрее?! – крикнула Оксана.

– Я думаю, около получаса, не больше, – сказала Лу, и доктор кивнула.

– А что делать со статуями? – спросил Пшигода у Лу, пока их бессознательного начальника, водруженного на операционный стол, окружали Оксана, Акхил и их помощники.

– Кинь их здесь, на склад. Они могут помочь, – тихо сказала Лу. Лицо у нее было суровое, напряженное.

Пшигода было пошел выполнять это распоряжение, но девушка его окликнула:

– Ирджих, как ты думаешь, что с ним?

– Я не знаю, Лу. Но он свалился в Шпрее, провел там кучу времени, а под конец всё равно так цеплялся за этот курвин бюст, что я еле пальцы его разжал.

Лу улыбнулась.

– Если кто-то выкарабкается, то это он.

– Я то же самое сказала этой суке.

– Ну, и ты была права.

– Спасибо, И, – Лу назвала его их тайным именем, и от этого у Пшигоды по сердцу разлился жидкий, приятный огонь.

– Я пойду, – просто сказал он.

Пшигода закинул три так тяжело заработанные скульптуры Оксане на склад, а потом просто вышел на Александрплатц. Прошел пятнадцать метров, купил в палатке табак, бумажки, свернул самокрутку, лихо поджег ее искрой из пальца, закурил. Он не мог пригодиться там, наверху: колдун из него был никудышный, фокус с искрой уже был на грани его способностей. А мешаться под ногами или даже просто сидеть в углу, привлекая внимание своей огромной, тяжелой фигурой, он не хотел. Заняться чем-то другим Пшигода, тем не менее, не мог, поэтому всё, что ему оставалось, – это стоять здесь, у входа и курить, вдыхать дым плохого табака вперемешку с гниловато-сладким воздухом Александрплатц, ходить туда-сюда, игнорировать косящихся на него прохожих и просто ждать, не зная, сколько времени продлится операция, как она закончится, вылечит ли Оксана его лучшего друга и стал ли этот друг кем-то или чем-то совсем иным.